

- Я и мое государство

28.08.2015

Борис Цилевич о благе от мигрантов и "недоинтеграции"

Борис Цилевич, один из самых ярких латвийских политиков, объясняет, почему беженцы - это полезно, и высказывает свое мнение по поводу интеграции и русских школ.

(Татьяна Титарева)

Информация

Год и место рождения 26 марта 1956 года, Даугавпилс.

Образование В 1978 году окончил физико-математический факультет Латвийского государственного университета; в 1981 году — аспирантуру.

Профессия Политик и правозащитник. Член Социал-демократической партии «Согласие». Депутат 7-го, 8-го, 9-го, 10-го и 11-го Сеймов Латвии. Член Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ).

Хобби Водный туризм.

Семейное положение Женат, двое взрослых детей.

ТТ. Борис, как бы Вы охарактеризовали современную внутреннюю политику Латвии?

Определенные успехи есть. Кое-кто говорит, что Латвия – это несостоявшееся государство: "Всё развалили, не осталось промышленности, мы ничего не можем...». Я с этим не согласен. Тем, кто так считает, повезло, они не видели настоящие «несостоявшиеся государства»!

Латвия за последние двадцать пять лет кое-чего достигла. К примеру, уровень профессионализма нашего чиновничества не сравнить с тем, который был в конце восьмидесятых - начале девяностых годов. Как правило, теперь чиновники корректно делают своё дело. Когда наши люди, критически настроенные к чиновникам в Латвии, сталкиваются с бюрократией, например, в России, они испытывают шок: у нас такого отношения к людям уже давно нет. Наше главное достижение - нам удалось избежать насилия на этнической почве. С точки зрения теории этноконфликтов, Латвия является классическим регионом для вспышек насилия: у нас две почти равные по численности языковые общины, у каждой - свой взгляд на историю и пути развития страны. В бывшем СССР и бывшей Югославии мы видели, как кровопролитие начинается на ровном месте. В Латвии мы этого избежали.

ТТ. А как насчёт главной проблемы нашей внутренней политики?

Полагаю, это глубокий провинциализм. И проявляется он в двух видах. Первый - как фатализм: «Мы - маленькие, от нас ничего не зависит, бесполезно сопротивляться, нужно просто найти правильного "папу", прислониться к нему и слушаться его».

Второй вид провинциализма - гипертрофированные амбиции: «Мы самые крутые, что там этот Брюссель?! Что они понимают?! Какое право они имеют нам диктовать?!».

Истина - посередине. Чтобы ее найти, надо эффективно использовать свои реальные возможности. К сожалению, у политиков и общественного мнения с определением “золотой середины” - серьёзные сложности. Нас бросает из крайности в крайность. Например, сейчас много говорят о беженцах. И в этих разговорах явно проявляется крайне отрицательное отношение большей части латвийского общества к миграции как таковой, что печально.

ТТ: А как Вы воспринимаете миграцию?

Я считаю, что миграция - мощнейший ресурс для развития страны. Государства, построенные иммигрантами, в экономическом плане являются самыми успешными.

У нас в Латвии с конца 80х годов, с начала «Атмоды», слова «миграция» и «мигрант» рассматривались только в негативном контексте. Борьба за независимость Латвии начиналась именно как борьба против миграции - еще нельзя было бороться за независимость, но уже можно было выступать против миграции. И с тех пор укрепление независимости страны связано с «борьбой против миграции». Это нас ограничивает и не даёт государству возможности развиваться естественным путём.

ТТ: Что, с Вашей точки зрения, можно и нужно изменить в нашей позиции, в нашем отношении к миграции?

Надо изменить парадигму «все приезжие - это угроза». И отношение к местным русским – тоже. Пора признать, что русский язык не явился в Латвию на советских танках. Местные русскоязычные - это неотъемлемая и органичная часть истории и культуры Латвии. Они не связаны исключительно и только с Москвой.

Доминирующая националистическая концепция, считающая всех русскоговорящих чужаками, ставит перед национальными меньшинствами выбор: или ты ассимилируешься, или ты не наш.

ТТ. Среди латвийского русскоговорящего общества бытует мнение: “После того как к нам приедут беженцы с Ближнего Востока, латышское население поймёт, что русские не такие уж плохие, есть народ и похуже”. Как Вы думаете изменит ли появление беженцев из Сирии отношение к русскоговорящим в Латвии?

Думаю, что не изменит. Этих беженцев никто не заметит. Что такое 500-800 человек на 2 миллиона? Уже сейчас у нас есть около 200 человек, из которых более 60 получили статус беженца и около 125 – альтернативный статус. И где они? Кто их видел? Конечно, пятьюстами с лишним человек, о которых сейчас идёт речь в Сейме, дело не ограничится. Их количество будет расти.

Трудовые иммигранты и беженцы нынешней волны обладают многими положительными чертами. Это - люди энергичные, предприимчивые, часто - образованные, неплохо зарабатывавшие у себя на родине и обладающие определёнными профессиями и образованием.

ТТ. Как, по-вашему, будет развиваться ситуация с беженцами в Латвии?

Пример оптимистического сценария - поведение властей и гражданского общества в Австрии.

Недавно в Вену за один уикенд приехали больше 20 000 беженцев. Половина сразу же была размещена в особых центрах, подготовленных правительством, а половину разобрали гражданские активисты. Люди приезжали даже из отдалённых горных деревень и забирали на своих машинах одну-две семьи. Каждому из 20 000 беженцев была обеспечена крыша над головой, еда, возможность умыться и обратиться к врачу в случае необходимости. Заявление каждого беженца рассматривается индивидуально и без промедления. Люди, которые действительно подвергаются преследованиям и, по критериям Конвенции об убежище, имеют право на получение статуса беженца, получают его без проволочек. Те, кто не имеет права на статус беженца, но не могут быть выдворены по гуманитарным соображениям (в Сирии идёт война), получают альтернативный статус. Такая защита даётся на год и регулярно пересматривается. Экономические мигранты будут отправлены обратно за счет специального фонда Евросоюза.

Как и у нас, в Австрии жители выступают и “за”, и “против” беженцев. Но вот пропорции тех, кто “за” и “против”, радикально противоположные. У них тех, кто “за” - большинство. Австрийцы успешно сочетают гуманитарные обязательства с прагматичными соображениями и обеспечивают приток в свою страну рабочих рук и мозгов. Полагаю, это хороший пример для нашего правительства и общества.

ТТ. Как Вы думаете, готова ли Латвия к приему беженцев?

Нужно заранее подумать, где и как этих людей размещать. Есть простое решение. Народа мы потеряли много - тех, кто уехал на заработки за рубеж. Пустующих помещений хватает. Нужно выбрать подходящие и отремонтировать за счёт европейских фондов. Самоуправлениям, где будут размещаться беженцы, стоило бы предложить комплексный подход - ремонт не только самих помещений, но и дорог, и других важных объектов. Тогда самоуправления, особенно отдалённые и обезлюдившие, будут конкурировать за право размещения беженцев.

ТТ. Часть латышской политической элиты считает, что интеграция русскоговорящего населения провалилась. Что они имеют в виду? И согласны ли Вы с ними?

Это зависит от того, как понимать интеграцию. В начале 90-х основной проблемой для интеграции считалось незнание русскими латышского языка. Мы его выучили. Но этого оказалось недостаточно. Официозная концепция интеграции подразумевала, что, выучив латышский, русские тут же перейдут на общение на нём, примут «латышские ценности», в общем - станут латышами. А этого в массовом порядке не произошло. Русскоговорящая молодёжь в латышскую не превратилась, говорит на латышском языке свободно, но - только тогда, когда надо. Если есть выбор, как правило, предпочитают русский. Это нормальная реакция. Давление порождает противодействие. С моей точки зрения, провал политики интеграции заключается в другом: мы не сумели построить общество равных возможностей. У нас интеграция рассматривается исключительно как культурный процесс: «основа интеграции - принятие латышского языка и латышских ценностей». Я считаю, что интеграция - процесс социальный. Именно недооценка социальных аспектов интеграции и привела к тому, что латышский язык выучили, а дальше что? Надо признать культурное многообразие общества Латвии. А вот этого правящая элита сделать не может и не хочет.

ТТ. Каким Вы видите будущее тех школ в Латвии, где русский является основным языком обучения?

Считаю, что оптимальный вариант для нашей страны - сохранить преподавание на обоих языках. Для многих родителей очень важно, чтобы их дети могли получать образование на родном языке. Дело не только и не столько в сохранении культурной идентичности, сколько в качестве образования,

обеспечивающего конкурентоспособность. Осваивать математику, физику и другие сложные предметы на родном языке намного эффективнее. Латышские современные школьники и так осваивают – с 2012 г. выпускные экзамены по латышскому в школах меньшинств сдают по тем же стандартам, что и в латышских.

Пока есть спрос, государство должно обеспечивать желающих обучению в том числе и на русском языке.

Как мы потеряли русскоговорящую телеаудиторию в Латвии

"В 1995-ом году был принят закон о телевидении и радио, который сократил для частных радиостанций и телевизионных каналов объем вещания на иностранных языках до 25%. В результате большая часть русскоговорящей аудитории переключилась на российские каналы. Сейчас, когда началась информационная война, оказалось, что столь недалёковидный подход отразился на безопасности государства. И мы начинаем метаться из стороны в сторону. Надо делать «идеологически правильные» передачи на русском языке, но время упущено. Возвращать зрителей всегда труднее, чем удерживать".

ТТ. Немного о личном. Работа в Сейме, Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ), выступления, участие в дискуссиях и семинарах, преподавание, написание книг. Как Вы всё это успеваете?

С опытом всё легче распределять свои силы и планировать время. В середине 90-х, когда я руководил неправительственной организацией, вёл одновременно несколько проектов, писал в газете, стал одним из учредителей партии Народного согласия... Тогда выходных у меня не было, разве только воскресенье - "сокращённый рабочий день".

Сейчас у меня нормальная нагрузка. В Сейме стараюсь сводить к минимуму обязательные протокольные вещи. Это позволяет активно работать в ПАСЕ, уделять больше внимания семье. Моему младшему сыну - 20. Он - студент физмата ЛУ. Старшая дочь окончила ЛУ по специальности «французская филология». Мои дети уже в том возрасте, когда общение становится равноправным. Когда не только ты детям даёшь, но всё больше от них получаешь, многому у них учишься.

ТТ. Как Ваша жена воспринимает Ваше политическую деятельность? Ведь Вас можно назвать "старожилом" нашего Сейма!

Мы вместе более 30 лет. Процесс притирки всегда сложный, но за это время мы достигли определённого прогресса. Моя жена микробиолог, тоже работает в Латвийском университете, занимается генной инженерией. И очень меня поддерживает.

ТТ. Были ли какие-нибудь критические ситуации в Вашей семейной жизни?

Да, конечно. Моя жена до сих пор вспоминает один случай, связанный с моим хобби - водным туризмом. Много лет назад я был в Грузии, в сложном походе. Погода внезапно ухудшилась, пошёл снег, на трудном пороге катамаран перевернулся, мои вещи утонули... В общем, вернулся я в Ригу в подаренных местными жителями резиновых тапочках - причём разных... Это было советское время, безо всяких мобильных телефонов. Вернулся в Ригу. Звоню в двери. Жена открывает (она тогда была на седьмом месяце беременности), в ужасе смотрит на меня - в разных тапочках, без вещей, ободранного - и бледнеет... Я говорю: «Ты только не волнуйся, всё нормально!». Этот эпизод она до сих пор вспоминает с содроганием. "Как можно было так напугать беременную женщину!"

ТТ. Везде, где я Вас вижу - в жизни, по телевидению, на фотографиях в прессе, Вы всё время улыбаетесь. В чём секрет?

Улыбка - самая выигрышная мимика со всех точек зрения. Она многогранна. Когда общаюсь с приятными мне людьми, улыбка показывает, что человек мне приятен. К сожалению, достаточно часто моя улыбка отражает иронию. Когда я смотрю пафосные выступления некоторых моих коллег, отчаянно жестикулирующих в попытке донести своё слово до слушателей, улыбка помогает мне спокойно воспринимать эти речи. Лучше так, чем ругаться. Улыбка может быть и барьером, фильтром, отгораживающим тебя от пошлости и подлости.

ТТ. Жизнь после политики. Чем бы Вы хотели заниматься когда завершите свою политическую карьеру?

Предпочитаю не планировать будущее. В моей жизни очень многое происходило совсем не так, как планировал. Никогда не собирался стать политиком, депутатом. И сейчас иногда удивляюсь – и как это меня сюда занесло? В общем, с интересом жду, какие ещё сюрпризы приготовила жизнь...

Татьяна Титарева, специально для Happy Nation